

В. НЕВСКИЙ,

член Военно-революционного комитета

В ОКТЯБРЕ

Когда в июльские дни семнадцатого года наша партия, выполняя свой долг, стояла во главе масс и когда обнаглевшая реакция, на мгновение победившая, заставила наши партийные организации перейти на нелегальное и полулегальное положение, и мы, т. е. члены военной организации ЦК и ПК, вынуждены были разделить эту участь.

Нас вообще не жаловали органы охраны Керенского. И до июльских дней я замечал наблюдение за моей квартирой в доме моего родственника на Торговой улице. После же июльских дней мною стали интересоваться настолько усиленно, что я вынужден был покинуть гостеприимную студию художника, под стеклянной крышей которой я помещался.

Попросту я должен был (так же, как и мои друзья — Н. И. Подвойский и другие члены военной организации) либо сесть в тюрьму, либо скрыться.

Некоторые, действительно, попали в тюрьму, а некоторые, в том числе и я, на известное время исчезли.

Изменив свой внешний вид до неузнаваемости, я уехал в провинцию и, воспользовавшись этим, побывал в некоторых провинциальных военных организациях, чтобы укрепить те связи, которые у нас — Питерского центра — были и прежде с нашими отделениями.

Н. И. Подвойский остался в Петербурге и развил

невиданную энергию по восстановлению разрушенных наших центров и подсобных органов.

Его энергии, уму и талантам мы обязаны были тем, что вместо закрытых наших органов — «Правды» и «Солдатской Правды» стал выходить «Рабочий и Солдат». Его энергии и организаторским талантам обязана была военная организация тем, что после июльского разгрома она не только оправилась, но еще более окрепла и расширилась.

Когда я дней через десять вернулся в Петербург, я увидел всё того же энергичного, радостно настроенного и вечно занятого Николая Ильича, не давшего мне сказать и двух слов и тотчас же засадившего меня за какую-то работу.

Несмотря на большие потери и средствами и людьми, наша организация, перейдя на полулегальное положение, быстро оправилась.

Нас временно приютил Нарвский район Петроградского комитета.

Хотя у нас и не было постоянного и определенного места, где мы могли бы заниматься своими военными делами, но то обстоятельство, что солдаты приходили туда, где всегда толпилось много рабочих, имело свою полезную сторону: рабочие видели солдат, слушали их разговоры, знакомились с ними и понимали, что наша военная организация — дело серьезное и важное. Такие рабочие нередко выражали желание работать у нас, и мы таким образом всё теснее и теснее сливали нашу военную организацию с рабочими.

Вообще нельзя себе представлять, что наша «военка» была полукрестьянской, организацией только солдат. Бесспорно, подавляющее большинство полков состояло из солдат-крестьян, но в каждом полку и части были горожане и в том числе рабочие. С ними-то прежде всего мы и устанавливали связи. Рабочие-большевики и составляли ту руководящую головку, которая заправляла от имени нашего военного центра («Всероссийское центральное бюро военных организаций РСДРП (большевиков) в тылу и на фронте») всеми военными частями.

Бюро наше было довольно многочисленно; кроме меня, Н. И. Подвойского, К. А. Мехоношина (арестованного в июльские дни), в него некоторое время входили еще от ЦК гг. Ф. Э. Дзержинский, В. Р. Менжинский,

А. С. Бубнов и товарищи солдаты и рабочие от военных частей и полков (Елин, Жилин, Беляков и др.).

Что касается трех вышеназванных лиц (Дзержинский, Менжинский и Бубнов), то они были введены в бюро от ЦК партии после июля для надзора, как выразился Я. М. Свердлов. Как говорил мне Я. М., знавший меня еще с давних нелегальных времен и очень дружески ко мне настроенный, некоторые члены ЦК полагали, что мы, главным образом наша тройка — я, Н. И. Подвойский и К. А. Мехоношин, — а также М. С. Кедров, и были вдохновителями преждевременного июльского выступления и виновниками поражения. Так это было или нет, расскажу когда-нибудь перед смертью (если только удастся написать мемуары, писать которые пока неинтересно и нет времени), но факт тот, что первое время после июля и тов. Дзержинский и тов. Бубнов несколько раз были в нашей военке. Вскоре они, впрочем, перестали бывать у нас, а Феликс Эдмундович как-то при встрече со мной на мой вопрос: «Почему же вы перестали бывать у нас?» — ответил: «Нечего мне делать у вас, так как я убедился, что и линия у вас правильная и ведете вы дело превосходно».

И действительно, ни он, ни тов. Бубнов больше ни разу не явились к нам.

Вскоре всё разъяснилось. Свердлов известил нас, что он, по предложению ЦК, должен ознакомиться с положением дела в военке, для чего и нужно собраться.

Н. И. Подвойский, я и еще кто-то, кажется тов. Хитров, встретили его уже на Литейном, где мы основались, уйдя из Нарвского района. Поздно ночью пришел Яков Михайлович и, просидев у нас часа два и поговорив о делах военки, дружески сказал мне на прощанье:

— Ну, вот суд над тобою и кончился! Всё хорошо. Жарь вовсю, только прошу об одном: держи со мною связь!

— Какой суд? — спросил я с удивлением.

— Ну вот, вспыхнул как порох! — еще более дружески заметил Яков Михайлович. — Ты же ведь должен знать, что вами были очень недовольны некоторые товарищи. Говорилось по этому поводу много лишних слов. Мне поручено было ознакомиться с вашими делами. Ну, вот я и пришел. Скажу тебе только еще вот что — когда это было мне предложено, то Владимир Ильич,

встретясь вскоре со мной, сказал мне: «Ознакомиться нужно, помочь им нужно, но никаких нажимов и никаких порицаний быть не должно. Наоборот, следует поддерживать: кто не рискует, тот никогда не выигрывает; без поражений не бывает победы».

Не ручаюсь теперь, за давностью событий, за точность передачи слов Я. М. Свердлова, но смысл их передаю более или менее верно.

Некоторые товарищи в настоящее время задаются вопросом о том, кто был инициатором июльских событий — ЦК или военная организация, или движение вспыхнуло стихийно.

В некоторых отношениях этот вопрос никчемный и доктринерский. Конечно, движение созревало в глубине самых широких масс, недовольных политикой буржуазного правительства и жаждавших мира. Конечно, это движение, вызванное объективными условиями революционного процесса, было взято под руководство ЦК через нашу военную организацию и ПК, иначе оно окончилось бы полнейшим нашим, хотя и временным, разгромом. Именно благодаря решительному руководству ЦК мы понесли наименьшие мыслимые в тех условиях потери.

Однако теперь уж нечего скрывать, что все ответственные руководители военной организации, т. е. главным образом Н. И. Подвойский, пишущий эти строки, К. А. Мехоношин, Н. К. Беляков и другие активные работники, своей агитацией, пропагандой, огромным влиянием и авторитетом в военных частях способствовали тому настроению, которое вызвало выступление.

Если память мне изменила и я неверно (хотя и невольно) назвал упомянутых выше товарищей, то о себе могу сказать следующее: хотя я и рядовой коммунист и играл небольшую роль в революции, но товарищи не станут отрицать, что в солдатской среде массы знали меня и считались с моими словами, как с указаниями военной организации.

И вот, когда военная организация, узнав о выступлении пулеметного полка, послала меня, как наиболее популярного оратора военки, уговорить массы не выступать, я уговаривал их, но уговаривал так, что только дурак мог бы сделать вывод из моей речи о том, что выступать не следует.

Подробнее об этом я когда-нибудь расскажу, если удастся написать историю военной организации; писать эту историю, даже одному из инициаторов ее, без документов и без товарищеской помощи — не под силу, а собрать теперь оставшихся в живых товарищей так трудно...

В августе наша организация снова работала вовсю и связи наши росли с каждым днем.

Не стану описывать тех событий, которые произошли в августе и сентябре (корниловщина, например), в которых и мы принимали самое деятельное участие, остановлюсь только, хотя бы вкратце, на той работе, какую мы вели в военных частях и в связи с этим на заводах и фабриках.

Наша организация была прежде всего массовой: мы насчитывали в наших ячейках более ста тысяч членов, считая и наши провинциальные отделения, причем только в Питере число членов доходило до сотни тысяч. И это число членов было не на бумаге; были части, как, например саперные или броневые дивизионы, где в наши ячейки солдаты входили ротами и батальонами. Это и понятно: в таких частях подавляющую массу солдат составляли высококвалифицированные рабочие. А так как в нашу организацию во многих частях входили очень часто и представители командного состава, вновь выдвинутые низами (прапорщики, подпоручики, поручики и т. п.), то неудивительно, что сплошь и рядом на наших открытых собраниях солдаты, слыша, как их командир выступает солидарно с большевиками и зовет их в организацию, десятками приходили к нам с просьбой записать их в число членов.

Массовость нашей организации особенно ярко видна и в наших газетах «Солдатская Правда» и «Солдат», авторами многих статей которых были солдаты и рабочие; содержание этих статей, написанных простым языком, было близко и понятно рабочему и солдату-крестьянину, газета составлялась, распространялась и печаталась товарищами членами нашей организации и партии. Никогда не забуду, как Н. И. Подвойский, этот изумительный организатор масс, начал издание газеты «Солдатская Правда». Когда он поделился со мной мыслью о том, что хорошо бы было начать издание специальной солдатско-крестьянской газеты, я скептически ответил

ему, что у нас нет на это средств и едва ли ЦК найдет эти средства.

Николай Ильич только улыбнулся, а через три дня по всему городу разъезжали сотни военных одноколок и автомобилей (и даже, кажется, несколько броневиков) с огромными красными плакатами, на которых было написано: «Товарищи рабочие! Если вы хотите победы, вы поможете солдату. Жертвуйте на солдатскую газету „Солдатскую Правду“!»!

К вечеру после такой операции мы имели в нашей кассе несколько десятков тысяч рублей, а еще через несколько дней после таких же сборов по заводам и фабрикам мы уже приступили к выпуску «Солдатской Правды».

И еще в одном важном, уже общепартийном, деле, в широком смысле этого слова, военная организация принимала участие: я имею в виду создание нашей Красной гвардии. Конечно, лозунг этот исходил от партии и от рабочих масс, конечно, потребностью вооружиться был обуреваем каждый рабочий, конечно, каждый пролетарий тогда, как и теперь, прекрасно понимал, что в государстве он — сила, настоящая реальная сила только тогда, когда в руках у него винтовка, когда в любой момент, чувствуя, что его священные права свободного и независимого гражданина попираются, он вместе с товарищами может отстоять их с оружием в руках. Конечно, это верно, как верно и то, что ЦК усиленно пропагандировал мысль о самовооружении рабочих, в то время как меньшевистско-эсеровская власть стремилась разоружить не только рабочих, там где они успели захватить оружие, но и солдат, — конечно всё это верно, но верно и то, что именно военная организация везде, где начиналось движение рабочих к самовооружению, старалась расширить и развить такое движение.

Все мы, члены нашего бюро, и я в том числе (хотя я и доселе не имею билета красногвардейца), прилагали все усилия, чтобы развить это движение по созданию Красной гвардии. В нашей организации первые красногвардейцы из районов частенько заседали, мы часто устраивали в районах первые ячейки Красной гвардии, наши же солдаты крали в частях ружья и передавали их рабочим. Я также несколько раз принимал участие на первых заседаниях Красной гвардии Выборгского района вместе с тов. Подвойским и Н. К. Беляковым.

В высшей степени большую работу проделала наша военная организация в крестьянстве.

Военная организация имела огромные связи с деревней через солдат — членов ее. Мы впервые начали издание крестьянской газеты, которой, по моему предложению, было присвоено название «Деревенской Бедноты». Мы посылали в деревню агитаторов, к нам приходили крестьяне-ходоки. Десятки тысяч крестьянских писем в газету и доселе, вероятно, хранятся у кого-либо из наших товарищей, членов редакции.

Наша военная организация поистине была массовой организацией и не только, конечно, солдатской: множество рабочих, понимавших всю важность сосредоточения в руках партии военной силы, работало у нас, в наших районных и полковых ячейках. Наплыв рабочих стал особенно силен перед Октябрем.

Обычной картиной в помещениях нашей военки была картина человеческой массы, теснившейся в комнатах: солдаты, рабочие, пропагандисты, агитаторы — вся эта толпа шумела, двигалась, торопилась, брала газеты, листовки, книжки, вливалась в помещение и выливалась из него. Вот какой-то солдатик связывает кипу газет, вскидывает ее на спину и, кряхтя, идет к выходу, чтобы направиться в свою часть; вот рабочий требует немедленно направить к ним на завод агитатора, так как военный наряд солдат только что отказался повиноваться офицеру-черносотенцу и необходимо использовать это настроение. Вот другой рабочий требует литературы для распространения в расположенной по соседству с заводом воинской части. Здесь какая-то девушка со слов солдата-гвардейца записывает рассказ о злоупотреблениях их капитана, там солдат, держа корявыми пальцами карандаш, пишет корреспонденцию в нашу газету. В одном углу группа рабочих уже практически договаривается с двумя солдатами, как наладить вынос винтовок из цейхгауза, в другом углу на скамье сидят крестьяне в армяках, в лаптях, в поярковых шляпах и медленно жуют хлеб, а перед ними суетится молодой солдатик и торопливо что-то старается втолковать старикам. Это ходоки-крестьяне из деревни, насчет земли; и сын-солдат ничего иного не мог придумать, как привести стариков за советом к нам.

Шум, толкотня, всё новые и новые группы солдат и

рабочих, вливающих в наше помещение на Литейном, непрерывные телефонные звонки из районов, сообщения о малейшем событии в части, тут же обсуждение важнейших событий текущей политической жизни — вот обычная картина нашего дня. Но и ночью не засыпала наша военка. Чем всё больше и больше приближалась развязка, тем жизнь нашей организации становилась всё более и более нервной, кипучей и шумной.

Всё чаще и чаще приходилось оставаться на ночь в военке или у какого-нибудь товарища поблизости и чувствовалось, что теперь уже ни к чему та паспортная фальшивка, какую пришлось завести после июля. Мы лихорадочно работали по еще большему расширению наших связей.

Это необходимо было сделать, так как мы отлично понимали, что в грядущей борьбе мы, т. е. вооруженная солдатская масса вместе с небольшой частью вооруженных рабочих, под руководством нашей партии явимся тем физическим тараном, которому суждено разрушить твердыни враждебной нам буржуазной власти.

Всё чаще и чаще мы в тесном кругу нашего бюро обсуждали этот вопрос, нисколько, конечно, не преувеличивая нашей роли, но вместе с тем отчетливо понимая, какую ответственную задачу возложила на нас история. Мы не только не задирали носа, но, наоборот, хорошо понимали, как много еще нужно сделать — укрепить и расширить наши связи среди солдат, завести новые, вооружить как можно больше рабочих, передадим им винтовки и револьверы, связаться еще лучше с фронтом.

А положение между тем становилось всё напряженнее и напряженнее. Чувствовалось, что развязка близка.

Еще летом такого чувства не было. А теперь, в конце сентября и начале октября, это чувство и ожидание грядущих событий были везде и у всех.

Когда закрывались собрания, когда пустели залы и замирали последние звуки речей агитаторов, когда рабочие расходились по домам и на улицах предместий наступала тишина, тогда в этой тишине чувствовалась какая-то настороженность, ожидание чего-то необычайного, незаурядного. Тишина эта, казалось, чутко к чему-то прислушивалась.

Все как-то инстинктивно понимали, что в этой тишине таится что-то великое, зародыш каких-то грядущих необычайных событий.

Мы все — члены наших центральных революционных органов: ЦК, ПК, военной организации и члены наших заводских и фабричных организаций, все, начиная от руководящих верхов и кончая пролетарием, стоявшим у станка, прекрасно понимали, что выступление пролетариата неизбежно.

Все прекрасно понимали, что наш классовый враг не спит и деятельно готовится к удушению революции. Фактов, подтверждающих это, было множество; правительство Керенского приступило к осуществлению плана вывода революционно настроенного гарнизона из столицы; наоборот, в столицу приходили реакционно настроенные казачьи части; на фронте также принимались меры — расформировывали беспокойные революционные части, подавлялись малейшие попытки протеста. Правительство делало мечту сдачей Петрограда задуть революцию в корне.

Между тем из провинции приходили всё чаще и чаще вести о нараставшем движении крестьян, захвате помещичьих земель, стихийном стремлении самочинно разрешить вековой земельный вопрос.

Все понимали, что всеобщий взрыв не за горами, что к нему нужно быть готовым, если мы не хотим остаться за бортом истории.

Нужен был чей-то авторитетный призыв, указание, определение того главного и существенного, что характеризует текущий момент.

И такое указание было дано в резолюции ЦК, где говорилось о том, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело» и что «ЦК предлагает всем организациям руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы».

Под влиянием всей обстановки дня и принимая для руководства резолюцию ЦК, наша Петербургская организация и созвала то историческое заседание, которое произошло 15 октября 1917 года, т. е. за десять дней до переворота.

На этом заседании были заслушаны доклады: от ЦК — тов. Бубнова и от военной организации — мой. Тов. Бубнов так формулировал свое мнение: «Мы стоим

накануне выступления... Что касается нашего положения, то мы должны сказать, что всё висит на волоске. Шесть месяцев революции привели к развалу. Вследствие этого народные массы начинают набрасываться на всех и на всё... Чтобы спасти революцию, нам надо взять власть в свои руки... Все элементы для восстания даны, и если мы в этом убеждены, то все силы должны подготовить к выступлению».

Я в своем докладе также исходил из того положения, что «назрел момент вооруженного выступления».

Это было, конечно, ясно, как ясно было и то, что рабочие Питера встанут по нашему призыву, как один человек. Но мы, т. е. организаторы и руководители революционного гарнизона столицы, трезво отдавали себе отчет и в том, какое огромное значение имеет для успеха нашего дела всесторонняя и тщательная подготовка к восстанию.

«Нужно помнить, — говорил я, — о том, что наше наступление только тогда выиграет, когда в первые дни мы будем иметь огромный перевес».

Приглашал я товарищей учесть и ту роль, какую должно играть в революции революционно настроенное беднейшее крестьянство и вообще провинция.

Нам, стоявшим в самой гуще солдатских масс, руководившим гарнизоном через наши партийные ячейки, организованные нами в каждой части, хорошо были видны как наши сильные, так и слабые стороны.

Мы, конечно, прекрасно понимали, что рабочие встанут по призыву нашей партии, но мы понимали, что нужна еще и вооруженная сила, та физическая сила пулеметов и винтовок, броневиков и артиллерии, без которой победить нельзя.

Насколько я помню, наша Красная гвардия обладала небольшим количеством винтовок. Больше всего их было, конечно, на крупнейших заводах; например, на Обуховском заводе насчитывали штук 500 ружей; в Лесновском подрайоне было 84 винтовки, а в Городском районе были заводы, имевшие по сотне, по двадцати винтовок. Красная гвардия располагала даже пулеметом и блиндированным автомобилем (на том же Обуховском заводе). В лучшем случае в нашем распоряжении была тысяча или две винтовок, в то время как враг располагал всеми родами оружия. Правда, в ряды Красной гвардии запи-

сывались сотнями; на крупных заводах красногвардейцы числились тысячами.

Для победы революции вооруженные отряды рабочих, конечно, имели огромное, первенствующее значение.

Но за всем тем — гарнизон, войска решали дело. Я разумею, конечно, военную силу, которой руководила, в конечном счете, партия.

Вот почему военная организация, хорошо знавшая настроение всех военных частей, наших и враждебных, знавшая все рода войск, какими мы располагали, призвала, учтя мельчайшие детали, тщательно подготовиться, насколько это возможно, обеспечить себе перевес в первые моменты восстания. Это было важно в особенности потому, что из докладов представителей районов получалось, что настроение далеко не во всех районах боевое.

Из девятнадцати районов представители только восьми высказывали твердую уверенность в том, что районы по первому призыву выступят твердо и решительно; представители шести (и в том числе такого, как Выборгский) заявляли, что настроение масс нерешительное и выжидательное, а представители пяти прямо говорили, что готовности к выступлению нет. В числе этих последних были такие, как Васильевский, Нарвский и Охтенский.

Действительность показала, что представители районов ошибались, что лишь только партия и Петроградский Совет призвали рабочих к восстанию, они всей своей массой выступили на борьбу. Уже накануне восстания это стало ясно всем, но тогда, за десять дней до восстания, казалось не так. Вот почему мы призывали к особо серьезной подготовке, к тщательному учету сил, к накоплению их для перевеса над противником, к развитию усиленной организационной и агитационной деятельности на отсталых участках фронта.

Некоторым товарищам казалось тогда, что мы слишком осторожны. Заподозрить же нас в том, что мы против выступления, никто бы не посмел, потому что мы неоднократно доказывали, что по призыву партии мы готовы выступить когда угодно и при каких угодно обстоятельствах.

Но наш опыт (особенно в июльские дни) показал нам, что значит отсутствие тщательной подготовки и перевеса

сил. И вот почему мы так настаивали на учете всех наших сил и сил противника. Это обстоятельство казалось некоторым нетерпеливым нашим товарищам непонятным упрямством и доктринерством. Некоторые же товарищи, не верившие в успех, надеялись на то, что призыв военной организации к тщательной подготовке вообще затянется вопрос о выступлении и оно, пожалуй, не состоится.

И вот эти-то товарищи добились того, что на нас начали «действовать». Как-то ночью мне сообщили, что меня хочет видеть Зиновьев. Это было за несколько дней до выступления.

Ко мне пришел товарищ от М. И. Калинина и просил меня повидаться с ним по важному делу. Я согласился, и мы отправились, приняв меры, чтобы нас не проследовали шпионы. Попав к тов. Калинину и дружески поздоровавшись с ним, я, к своему удивлению, вдруг увидел входящего Г. Е. Зиновьева. Несмотря на то что он изменил свой наружный вид, я тотчас узнал его. Сердечно пожав мне руку, он стал расспрашивать меня о состоянии и настроении петроградского гарнизона. Несмотря на то что я обрисовал боевое настроение гарнизона, выслушав меня, Зиновьев пришел к заключению, что победа наша не обеспечена и что поэтому выступать едва ли следует.

Я высказал свое мнение, что хотим мы или не хотим, дело зашло настолько далеко, что выступление всё равно произойдет и революция нас сметет, если мы не сумеем руководить движением. Тов. Калинин, всё время молчавший, теперь горячо поддержал меня и советовал готовиться к борьбе еще усиленной, так как восстание не за горами.

Однако переубедить Зиновьева нам не удалось.

А между тем волны революции вздымались всё выше и выше.

Мне приходилось каждый день бывать почти во всех наших главных полковых частях, хотя в каждом из полков работал кто-либо из наших выдающихся товарищей. Так, помню, что дня за три до переворота я был в Гренадерском полку, где очень большую роль играли тт. К. А. Мехоношин и Дзевалтовский. Гренадерский полк был известен тем, что часть его командного состава и солдат была судима Керенским за то, что будто бы отказалась наступать под Тарнополем.

В результате суда Дзевалтовский был оправдан, но свыше ста солдат-большевиков попали в каменец-подольскую тюрьму и просидели там до самой Октябрьской революции. Когда я приехал в казармы, полк шумел, как улей. Дело в том, что на собрании докладывали товарищи солдаты, делегаты Петроградского Совета.

Некоторые из них, крестьяне, рассказывали своим товарищам, таким же крестьянам, как и они сами, своим простым языком о том, что правительство преступно медлит с разрешением земельного вопроса и что все рабочие, солдаты и крестьяне убедились в одном: надо свергнуть Керенского и взять власть в свои руки.

Солдаты шумели, некоторые из них предлагали выступить немедленно, и стоило большого труда успокоить эту бушующую массу.

Не успел я приехать к себе на Литейный из Гренадерского полка, как меня вызвали в егерский полк. Там была такая же картина. Затем пришлось побывать в Волынском полку, в Павловском, у броневиков.

И это приходилось делать не только мне, но и другим товарищам — Подвойскому, Белякову, Мехоношину, Хитрову, Анохину и вообще всем членам военной организации.

Нам удавалось всё же сдерживать массы. Удавалось это потому, что почти во всех полках мы имели очень прочное ядро солдат-большевиков.

Помню, как-то, уже, кажется, числа 23-го, меня вызвали в Волынский полк. Здесь было много украинцев-крестьян. Когда я приехал, выяснилось, что товарищи просто хотели продемонстрировать свою готовность выступить по первому приказу военной организации.

В Волынском полку у нас была прочная организация, и мы воспользовались ею, чтобы произвести разведку в стане врага. Еще до 25 октября, но уже в момент образования Военно-революционного комитета, членами которого были я, Подвойский и другие наши товарищи, мы решили отправить от некоторых полков, и в том числе от Волынского, где команда пулеметчиков и 8-я рота целиком были наши, делегации солдат в штаб военного округа с требованием признать контроль Военно-революционного комитета над штабом.

Рассказ вернувшихся из штаба делегатов я и выслушал, приехав в Волынский полк. По словам товарищей,

в штабе царила неразбериха и растерянность: до полковника Полковникова добраться было очень трудно, по-прежнему дежурные генералы и адъютанты свысока разговаривают со штабными отдельных частей, но чувствуется, что их величие — это плохо скрытый страх перед надвигающимися событиями; никто ничего не знает, даются распоряжения, уничтожающие одно другое, свои силы то преувеличиваются, то вдруг преуменьшаются, о приготовлениях большевиков говорят то с ужасом, то презрительно пожимая плечами, а в общем царит неуверенность, страх и одно безумное желание — поскорее покончить с таким неопределенным промежуточным положением.

Таких разведок было сделано несколько, и мы убедились, что настоящей военной власти у Керенского уже нет. Аппараты ее разложились, это был уже только механически связанный организм, дух, оживляющий его, уже отлетел от него.

Помню, что дня за два до переворота я был в Павловском полку. Хотя я ходил в военной куртке защитного цвета, какой-то капитан задержал меня.

— Я знаю, что вы агитатор-большевик, — сказал он мне, — я вас отпущу, но скажите мне, чего вы хотите? Ведь то, что вы обещаете народу, — это безумие, это анархия...

Я вместо ответа, чего мы хотим, нарисовал ему в ярких красках разложение страны — хозяйства, транспорта и, главное, армии.

В конце я постарался показать, что и власти уже нет, есть только фирма и актер Керенский.

— Да, — живо согласился капитан. — Вот это верно. Лучше уж какую угодно власть, да только твердую. Создадут ли ее темные, невежественные рабочие?

— О, об этом не беспокойтесь, — ответил я: — не пожалеем.

В это время человек десять солдат-большевиков, членов нашей организации, узнав, что меня задержали, пришли требовать моего освобождения. Я успокоил товарищей и, иронически поклонившись капитану, сказал:

— За твердую власть большевиков!

В противовес разложению и расхлябанности аппарата правительства, неуверенности и безнадежности его аген-

тов, у нас, начиная от Смольного с его Военно-революционным комитетом и кончая каждым заводом, каждой фабрикой, каждой полковой частью, каждой самой маленькой ячейкой, царило всеобщее воодушевление, уверенность в успехах, твердая решимость действовать до конца.

Теперь, пятнадцать лет спустя, люди, не принимавшие участия в борьбе, не понимают, как это из того всеобщего хаоса, брожения, бесчисленных толп народа, наполнявших Смольный, заводы, клубные залы, казармы, как будто бы внезапно создалась действительно могущественная власть, сумевшая внести в волнуемое человеческое море порядок и организованность.

Эти люди не понимают главного, именно того, что мы, партия революционного пролетариата, были выразителями всего многомиллионного народа трудящихся, его чаяний, его надежд, что каждый из нас, выдвинутый событиями наверх, выдвигался именно потому, что умел лучше, полнее и совершеннее других выражать эти чаяния масс, потому что каждый из нас не думал о себе, в любую минуту готов был умереть за эти интересы трудящихся, потому что масса это видела и понимала и, идя на жертву сама, верила нам, верила этой готовности каждого из нас раствориться, умереть в этом океане героического, невиданного самопожертвования.

Каждый рабочий, каждый солдат, все трудящиеся видели и понимали, что мы боремся за власть не для себя, не за свои узко-эгоистические интересы, не за то, чтобы самим сладко пить и есть, когда голодают десятки миллионов, а живя так же, как эти десятки миллионов, в случае нужды сложить свою голову за их интересы и нужды.

Повиновались нам и шли за нами не потому, что мы угрожали тюрьмами, пытками и ссылками, а потому, что мы были выдвинуты этими массами, чтобы покончить и с тюрьмами, и с пытками, и с ссылками, и создать невиданное еще царство трудящихся с безграничной свободой и счастьем.

Мы деятельно готовились к восстанию. Работы было так много, что теперь частенько приходилось оставаться и на ночь в военке на Литейном. Нас, т. е. Подвойского и меня, очень тревожило то обстоятельство, что мы не были особенно хорошо обеспечены со стороны Выборга

и вообще Финляндии, а там, между прочим, находились моряки и артиллерия.

Как-то ночью, вскоре после свидания с Зиновьевым, я собирался прилечь отдохнуть в военке, как передо мной, точно из земли, вырос А. В. Шотман.

Он пришел сообщить мне, что В. И. Ленин желает срочно видеть меня.

Нечего и говорить, что я с огромной радостью последовал за тов. Шотманом.

Со всяческими предосторожностями мы добрались до того места, где ожидал нас Владимир Ильич.

Я не стану повторять здесь того, что мной уже было рассказано в другом месте.

Упомяну только, что, обсудив с Владимиром Ильичем состояние наших военных сил, мы пришли к заключению, что я должен немедленно отправиться в Гельсингфорс и Выборг с целью выработки с нашими товарищами Дыбенко и Смилгой единого плана действий и, главное, обеспечения поддержки со стороны расположенных в Выборге артиллерийских частей.

Поездка моя должна была состояться быстро и срочно, и притом с таким расчетом, чтобы я мог вернуться к 24-му дню, который был намечен как день начала восстания.

Эта беседа с учителем и вождем, его советы, мудрость, твердость, предусмотрительность и вместе с тем товарищеская простота и задушевность навсегда останутся в моей памяти лучшим воспоминанием моей жизни.

Я — рядовой член партии, я — маленький винтик могучей организации пролетариата, почувствовал как-то физически гений вождя, его умение разбираться не только в самых сложных построениях теории, но и в самых мельчайших деталях сложной конфигурации наших военных сил.

Гениальные мысли и рядом с этим самые узко-практические советы по делам нашей военки, сокрушительные доводы за выступление и вместе с тем изумительная способность старшего товарища проникать в твои маленькие личные нужды и интересы.

Я как-то ясно до очевидности почувствовал, что вот здесь, рядом со мной, сидит тот вождь, тот могучий интеллектуальный центр, от которого идет тысяча нитей ко всем нам и к которому, в свою очередь, сходятся неви-

димо и таинственно те организационные связи, та воля, без которой невозможно никакое великое действие.

Я вернулся в Петроград 24-го, и в ту же ночь, с 24-го на 25-е, началось восстание.

Трудно теперь восстановить в памяти точный ход событий, да это и не мое дело сейчас, не-историка, а одного из рядовых участников великих событий, какие потрясли мир.

Поэтому я не собираюсь дать ни связного очерка событий, ни подробного рассказа о том, что делал лично я сам, а расскажу о том впечатлении и тех нескольких эпизодах, которые сейчас всплыли в памяти.

Лично я на вооруженную борьбу смотрел и смотрю как на жестокую необходимость, без которой нет пути к разрешению проклятых вопросов в современном капиталистическом мире.

Однако в те памятные дни было не до этих пацифистских рассуждений. Как и все члены военки, вооружился и я. Одним из первых важнейших актов Военно-революционного комитета было выполнение приказа нашей военной организации занять штаб Петроградского военного округа.

Н. И. Подвойский быстро организовал сводный боевой отряд из наших солдат и рабочих. В этом отряде большую роль играл член нашей организации, солдат и бывший рабочий завода Розенкранца тов. А. А. Анохин. Под его руководством, а также с участием покойного Склянского отряд, разделившись на две части, занял штаб.

Покойный Склянский вошел в штаб по главной лестнице, а тов. Анохин занял все остальные выходы и тоже быстро с товарищами проник в помещение. Бывшим в штабе ничего не оставалось, как подчиниться тяжелой необходимости и сдать свое оружие.

Я уж не помню, кто был комиссаром штаба в первое время, но что фактически на деле там распоряжался тов. Анохин, я это хорошо удержал в памяти.

Отряд, занимавший штаб, организовался из сил военной организации и, насколько не изменяет мне память, — в военке.¹

¹ Вообще я не претендую на абсолютную точность излагаемых мною фактов. История военной организации еще не написана, писать ее, как и историю Октябрьской революции, нужно с документами в руках. (Примеч. автора.)

Вечером я вместе с некоторыми товарищами находился на территории Марсова поля, где Павловский полк и его Павловские казармы были одной из наших баз. Отправившись в Смольный, я принял участие в обсуждении планов наступления, в выработке которых деятельнейшее участие принимал Н. И. Подвойский, и к восьми часам был снова на Марсовом поле.

К девяти часам на Марсово поле подошли волынцы, в количестве нескольких сот человек, и другие части. В Павловском полку находился Дзевалтовский и другие наши товарищи.

Поминутно подходили к казармам на Марсово поле другие военные части и рабочие отряды. Павловцы и волынцы отлично организовали связь.

Темная северная ночь с холодным ветром способствовала нашей подготовке.

Ночью началось наступление, и первый оплот Керенского — Зимний дворец — был взят.

Я был в Зимнем дворце в момент его взятия и должен засвидетельствовать, что торжествующий победивший народ не запятнал себя ни одним плохим антисоциальным поступком, ни мародерством, ни насилием. Наоборот, мне врезался в память такой эпизод: какой-то солдатик, повидимому из крестьян, пораженный роскошью обстановки, решил пощупать руками шелковую занавеску. Стоявшему тут же рядом рабочему показалось, что он хочет ее сорвать, и рабочий с гневом прицелился и выпалил в солдатика. Если бы не удар моей руки в руку рабочего, солдатик был бы убит. Винная вакханалия началась много позже; пользуясь люмпен-пролетарскими элементами, буржуазная контрреволюция в первые дни после Октябрьской революции пыталась внести замешательство в нормальный ход жизни путем разграбления винных погребов и т. д.

На рассвете, оставив свой карабин (который я и доселе берегу, как реликвию) в военке, с одним револьвером я направился в Смольный, и уже 25 или 26 октября мне было поручено вместе с тов. Беляковым из военки, а также с тов. Москвиным, захватить железнодорожный узел.

В то время как другие товарищи, и в том числе, кажется, тов. Бубнов, занимали Центральное управление

железных дорог, я с тов. Беляковым орудовал на отдельных частях узла.

Я уже теперь не помню, сколько дней, как и с кем мне пришлось заниматься всем этим, помню только, как в тумане, заседание Военно-революционного комитета, его быстрые и решительные распоряжения во время борьбы на фронте Царского Села, во время ликвидации восстания юнкеров, помню, как мы все дня через два, через три, без сна, без еды, часто без табаку доходили до умопомрачения.

Как сейчас помню фигуры гг. Галкина и Скрыпника, потерявших силы от напряжения и бессонницы, но еще державшихся на ногах.

— Товарищи! — обращался я к ним. — Нужно распоряжение накормить наш отряд на Николаевской дороге.

— А что? — спрашивает с помутившимися глазами Скрыпник. — Расстрелять его!

— Что ты! Что ты, Микола! Очухайся! Это — Невский! — говорит ему смеясь Галкин.

— А, Невский! — отвечает Скрыпник и, круто поворачиваясь, идет куда-то давать распоряжение.

Помню Подвойского, радостного, как солнце, кипучего, энергичного и всякий раз успевавшего быть в тысяче местах, ничего не оставить без внимания, без указания.

Помню сотни других товарищей, фалангу молодежи, затем старых большевиков, ту старую гвардию, которая не только сумела воспитать молодое поколение борцов, начиная с 90-х годов, но которая и сама оказалась в авангарде этих борцов Октября 1917 года.

Члены ЦК и ПК, члены районных комитетов, рядовые члены организации, рабочие из районов, солдаты, наша революционная молодежь, наши старики, цвет нашей старой гвардии, рабочий класс столицы — все были на своих местах.

Грузовые автомобили, наполненные рабочими завода, солдаты, идущие эшелонами, броневики, походные кухни, артиллерия, работницы, даже подростки — хаос движения и людей, хаос мыслей и положений, и над всем этим огромная воля к победе у рабочего класса, сумевшего своим энтузиазмом, самоотвержением и героизмом и в столице, и под Царским, и во время восстания юнкеров, и на почте, и на электрической станции, которые

пытались бастовать, и на железных дорогах, — кого зажечь жаждой борьбы, кого увлечь, убедить, кого подавить силой оружия.

Измученный и усталый, как и все, обезумевший, без сна, я через несколько дней, шатаясь, шел по коридорам Смольного с одним желанием — лечь и уснуть.

Вдруг навстречу идет огромного роста человек, а за ним человек пятнадцать молодых людей с винтовками.

— А, вот вы где! — вопит великан, и через минуту он душит меня в объятиях.

Я узнаю доктора Исполатова (ныне покойного), стихийного революционера-большевика.

— Вот узнал о восстании, — вопит доктор, — вынул спрятанные мною винтовки еще от 1905 года, собрал ребят и айда сюда! Сегодня приехал и уже был у Ленина.

«Ребята» улыбаются, у них блестят зубы и дула, и все их фигуры дышат готовностью умереть за дело Советов. Уславливаемся о встрече с доктором, примчавшимся из глубины Тамбовья, и я бегу спать.

Не знаю, долго я спал или нет, только вдруг меня разбудили шум и говор. Придя в себя, я увидел Рыкова, Зиновьева и еще нескольких их единомышленников. Шло обсуждение создавшегося положения вследствие известного всем их выступления.

Я вышел из комнаты возмущенный этим совещанием. Найдя где-то укромный уголок, я, наконец, заснул как убитый.

Проснувшись на другой день, я снова бросился в водоворот борьбы; 14 ноября Ленин подписал распоряжение о назначении комиссаром путей сообщения покойного М. Т. Елизарова и второе распоряжение о назначении меня членом коллегии. Я не хотел этого. Мне не хотелось занимать никаких высоких должностей, мне казалось, что я работник не канцелярии, а массы. Я всячески старался уклониться от этого назначения.

Но вызванный В. И. Лениным, выслушав его доводы, я беспрекословно подчинился приказанию.

Когда-нибудь, в другой раз, расскажу о том, как нам пришлось на другой день после переворота завоевывать железные дороги, а сейчас, чтобы закончить эти беглые беспорядочные заметки, хочу рассказать один маленький эпизод.

Мы, напрягая все свои усилия, вели борьбу с нашими врагами, мы взяли власть, опираясь на монолитную готовность всей нашей партии идти всем до конца. И вдруг группа ответственных старых товарищей выступает против общей линии партий: Все мы помним, как отнеслась к этим товарищам партия: она осудила их и сказала, оценив их поступок: «Партия сильна и крепка и без вас».

Как-то, идя по коридору Смольного, я встретил одного из лидеров группы, моего старого товарища, когда-то работавшего вместе со мной в Питере. Он остановил меня и, поговорив о создавшемся положении, сказал:

— А что вы скажете, Владимир, если я начну издавать газету для отстаивания нашей линии.

Я хотел было ответить моему старому приятелю, как вдруг... не удержался и расхохотался. За спиной моего приятеля стоял Владимир Ильич и, добродушно улыбаясь, говорил:

— Газету? Так-с! Так-с!

Мой приятель обернулся, и густая краска покрыла его лицо. Как пуля, он умчался в другую часть коридора.

Владимир Ильич поздоровался со мной и добродушно заметил:

— Ничего. Снова придут к нам. Больше некуда.

Мне почему-то вспомнился этот маленький эпизод, когда я задал себе вопрос, почему мы победили в Октябре.

Я знаю, что исторические причины закономерного общественного процесса привели рабочий класс всего мира к борьбе против буржуазии, что особые условия нашей истории раньше других передовых стран привели нас к социалистической революции и социализму, что наличие такой партии, как партия Ленина, и, наконец, работа, руководство и гений такого вождя, как Ленин, обеспечили нашу победу, — всё это я знаю хорошо. Но я хочу только подчеркнуть, как сильна, как могущественна была наша партия, как гениально было руководство Ленина, насколько была сильна уверенность в победе, что шатания и колебания некоторых большевиков даже в дни вооруженной борьбы за власть не могли смутить ни Ильича, ни партию, и они были глубоко уверены, что заблуждающиеся и дрогнувшие, убедившись в своих ошибках, снова придут к нам.

Великая, славная, могущественная, единственная
партия революционного пролетариата, партия Ленина,
партия Октября, авангард мировой коммунистической
революции!

Счастлив тот, кто хоть маленькую роль играл
в Октябрьском перевороте, счастлив, кто боролся под
твоим руководством в эти дни.

Над могилами павших борцов обнажим свои головы.

С великой партией рабочего класса вперед к грядущим
победам!

